

Сверак трудно застать в Праге, но удалось перехватить по дороге из Англии в Аргентину в Варшаве, куда он прилетел на премьеру своей картины «Коля», награжденной недавно «Оскаром» и «Золотым глобусом».

«Коля» — драматическая комедия о людях, оказавшихся во «внештатной» ситуации. Умудренный годами виолончелист Франтишек Лоука (его играет отец Яна Зденек Сверак, известный чешский актер и автор почти всех сценариев к фильмам сына), некогда выступавший в филармонии, а теперь пробавляющийся «похоронной халтурой», закоренелый холостяк, решается на брак, правда, фиктивный. За 30 тысяч крон он женится на некоей Надежде из Петербурга, которая, получив чешское гражданство, отправляется в Германию, где ее ждет новое, на сей раз желанное супружество. Но в картине есть еще один персонаж — пятилетний русский Коля (Андрей Халимон), у которого неожиданно умирает тетя-бабушка, а потому мальчика за руку приводят к «отцу» — все тому же Лоуке. Историю сближения двух чужих друг другу людей, случившуюся в канун «бархатной революции», рассказывает в своем фильме Ян Сверак.

— За судьбой чеха Лоуки и русского Коли многие увидели политические перипетии. Вы так и задумывали фильм?

— Ни в коем случае! Действие фильма происходит в переломном 1989 году. Но политика для «Коли» — только фон, главный герой фильма все-таки чех Лоука, хотя картина названа по имени русского мальчика. Однако он-то и изменил шестидесятилетнего «подростка», превратив его во взрослого мужчину. Жизнь при демократии — не только свобода, но и ответственность.

— Тем не менее критике не понравился такой подход к «бархатной революции».

— Я порой с интересом читаю критику, потому что вдруг узнаю, о чем снял ту или иную картину. Например, один из рецензентов зеленую машину в моем фильме «Езда» отождествил с

«Коля», лауреат «Оскара»

моек. новости.

— 1997. — 13-20 июля

ВСТРЕЧА

с. 20

32-летнего чешского режиссера Яна Сверака считают самым большим талантом европейского кино и достойным преемником его великого соотечественника Милоша Формана.

пробуждением новой жизни. А дело-то было в том, что только этот зеленый драндулет нам и удалось выудить на свалке.

— Западные партнеры заранее делали ставку на «Колю»?

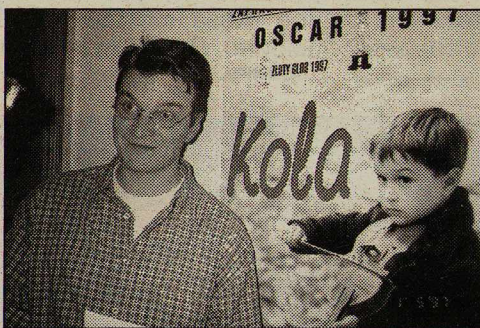
— Мне поставили три условия. Фильм не будет касаться «реального социализма», это, мол, уже никого не интересует. Мальчик не должен быть русским, его имя на афише не должно отпугивать зрителя. Диалоги должны звучать по-английски, иначе не привлечешь иностранную аудиторию. Как видите, все оказалось с точностью до наоборот, а зрителей у «Коли» уже в три раза больше, чем у «Дня независимости».

— Главного героя, чеха, играет ваш отец. У вас творческий союз?

— Именно так. Я очень ценю отца как актера и сценариста, тут приоритет на его стороне. Но в режиссуре — ни за что не уступлю.

— Как вы нашли Андрея Халимона, который вместе с вами получал статуэтку американской киноакадемии?

— С помощью Никиты Михалкова мы провели в Москве пять конкурсов и уже отчаялись: съемки начинаются, а достойного кандидата нет. Наконец

Ян Сверак

получили кассету с главными сорванцами московских детских садов и заприметили одного — он задумывался перед каждым ответом на вопрос. Полетели в Москву на пробы, но никак не могли добиться от Андрея слез и грусти. Выручила его мама, которая просто отругала сына за то, что он «измучил приехавших из Праги дядей».

Парень обиделся и распустил нюни.

— Шесть лет назад ваша «Начальная школа» осталась лишь номинантом на «Оскара». Вас это огорчило?

— Сегодня я этому только рад. Тогда я был слишком молод, Голливуд настолько меня ошеломил, что я мог там запросто потеряться и ничего не сделать. После того как американцы купили «Колю», я стал получать из-за океана массу сценариев — не скажу, что стоящих, но теперь у меня есть право выбора.

— То есть вы уже знаете, какие фильмы снимать?

— Не совсем так. Хотя могу сказать: если ты хочешь, чтобы твой фильм получил признание за границей, он в первую очередь должен быть адресован своей публике, своему зрителю. Ког-

да у картины есть корни и душа, она будет понятна всем. По-моему, ошибка большинства постсоциалистических кинематографистов в том и состоит, что они стараются походить на американцев: мафия, кровавые разборки, секс. У нас не тот темперамент. Делать нужно то, что ты умеешь лучше других.

— Ваши фильмы отличает своеобразное чувство юмора: житейские ситуации, доходящие до абсурда, провоцируют смех сквозь слезы.

— Это чешский юмор в диапазоне между свадьбой и похоронами, когда не знаешь, то ли плакать, то ли смеяться. Смех — часть нашей жизни. Я не люблю, когда все слишком грустно. День предпочитаю ночи.

— Ведя переговоры о прокате «Коли» на российском экране, вы не думаете, что некоторые антирусские реплики или эпизоды (например, советским солдатам отказывают даже в просьбе вымыть руки) вызовут здесь неприятие?

— Когда я снимал фильм, мне это и в голову не приходило, но спохватился на единственном пока показе фильма в московском Доме кинематографистов: мне показалось, что какие-то фразы людям старшего поколения не по нутру. Но после просмотра «Коля» был награжден дружными аплодисментами, и мне не хочется думать, что это лишь дань вежливости. Один мой коллега даже успокоил меня, сказав, что я сделал «антисоветский, но пророссийский фильм». Пора уходить от стереотипов.

— В конце картины сотрудники спецслужб, которые преследовали вашего героя, вместе со всеми приветствуют революцию на Вацлавской площади. Растворившись в толпе, они и никакой вины за собой не чувствуют?

— Что ж, общество изменилось, а люди остались те же. Но судьба их все равно накажет, от суда справедливости им не уйти.

Валерий МАСТЕРОВ,
собкор «МН», Варшава